

только создание общества народов, которого нынѣшнее Общество — на самом дѣлѣ не «націй», а государств — является лицемѣрным искаженіем.

П. Бидцлли.

BORIS SOUVARINE. Staline.

Paris. Plon. 1935. 574 p.

О Сталинѣ, самом молчаливом, самом загадочном из тиранов послѣвоенной Европы, книга в 574 страниц! Читатель с жадностью перелистывает ее, ища сенсационных разоблаченій. Разоблаченій он не находит: личность Сталина по-прежнему едва выдѣляется из окутывающаго его мрака. Но зато она дана на отчетливо, даже мастерски очерченном фонѣ русской революціи, для пониманія которой автор обладает сочетаніем многих данных.

Выходец из Россіи и бывший член французской коммунистической партіи, Б. Суварин использовал для своей книги огромную литературу, как русскую, так и иностранную; при чем русскую трех направленій: официально-сталинскую, оппозиціонно-троцкистскую и эмигрантскую. Уже за одну компиляцію всего этого, трудно доступнаго матеріала русский читатель был бы благодарен автору. Но перед нами не компиляція: перед нами написанная кровью, изнутри пережитая исторія разложенія и гибели партіи Ленина. Чтобы написать ее,

нужно было с восторгом приветствовать Октябрьскую революцію, видѣть в Ленинѣ и Троцком своих вождей и пережить постепенное угасаніе революціоннаго лавоса, перерожденіе революціи в новое и худшее изданіе крѣпостного московскаго царства.

Точка зрѣнія автора, таким образом, противоположна русской пореволюціонной тенденціи идеализаціи Сталина, как національнаго завершителя революціи. Для Суварина дорого именно октябрьское содержаніе революціи, Сталиным ликвидированное. Однако, автор и не вульгарный троцкист. При всем уваженіи к Троцкому, он ясно видит всѣ его политическія слабости. А самое главное, он ясно видит, в условіях старой Россіи, всю невозможность осуществленія в ней социализма в смыслѣ освобожденія трудящихся. Быть может, идеализируя Ленина, он приписывает ему эту свою пронизательность *post eventum*. В его глазах, Нэп должен был быть очень долгим періодом вращанія Россіи в социализм. Внѣ этого оставался путь террора, который логически, вмѣсто социализма, приводил Россію к самодержавію. Этот призракъ старой Россіи постоянно возвращается под пером автора. Цитаты из писем де Кюстина, рисующих Россію Николая I, естественно и легко характеризуют бытъ Россіи революціонной.

То, что дает нам книга Суварина, это, конечно, не исторія русской революціи, но исторія компартіи в революціи. Народ

лишь смутно ощущается в перспективѣ, и насчет его страдальчески-пассивной роли у автора нѣтъ никаких иллюзій. Что становится вполнѣ и до конца понятным из книги Суварина, это причины возвышенія и побѣды Сталина, в цѣлкомъ, подпольной борьбѣ за власть. Создается впечатлѣніе, что личныя качества Сталина играли при этомъ меньшую роль, чѣмъ слабость его врагов, наследниковъ Ленина, и общая логика развитія диктатуры. Бюрократизація партіи неизбѣжно выносила на верхъ генеральнаго секретаря, какъ главу партійнаго аппарата. Противники Сталина представляють различныя, лѣвыя или правыя, тенденціи революціи; Сталинъ не имѣетъ за собой никакихъ тенденцій, но лишь чистую волю къ власти и голую форму партійной диктатуры.

Что даетъ книга къ пониманію личности Сталина, столь роковой для будущаго Россіи? Если собрать разсѣянныя личныя черточки, то получается достаточно опредѣленный образ. Мракъ, окутывающій прошлое Сталина, оказывается отчасти искусственнаго происхожденія. Диктаторъ имѣетъ основанія придерживать поток товарищескихъ воспоминаній. Мрачный и отталкивающій его характеръ подтверждается всеми: Свердловымъ, который не могъ ужиться с нимъ в Сибири, Ленинымъ в его «завѣщаніи». Сталинъ никогда не имѣлъ друзей. В прошломъ за нимъ ползли темныя слухи — о предательствѣ. Даже обстоятельства его выхода (или исключенія) из

семинаріи остаются неразъясненными. Тифлисская с.-д. организація исключила его за интриганство. Мастеромъ интриги Сталинъ оставался всегда. Прибавьте къ этому его извѣстныя слова о сладости мести: «Выбрать жертву, тщательно подготовить удар, утолить месть и потомъ пойти спать... Нѣтъ ничѣго болѣе сладкаго на свѣтѣ», — и передъ нами настоящій портретъ восточнаго деспота: Абдул-Гамидъ во весь ростъ.

Для будущей судьбы Сталина весьма важно практическое направленіе его революціонныхъ интересовъ: на боевыя акты, на экспроприаціи, а не на борьбу идей. Къ теоріи онъ никогда не имѣлъ вкуса, марксизму учился изъ вторыхъ рукъ — у Ленина. Отсюда его молчаніе во время всѣхъ теоретическихъ дискуссій — молчаніе за всю подпольную исторію партіи. И въ послѣдніе годы трудно уловить какую-либо идейную тенденцію въ его извилистой «генеральной» линіи. Еще за годъ до своей пятилѣтки, онъ ожесточенно борется съ проектомъ индустриализаціи, пока онъ выдвигался лѣвой оппозиціей. Расправившись съ ней, онъ немедленно осуществляетъ ея «планъ» въ гораздо болѣе радикальномъ изданіи.

И все-таки, можетъ быть, одна линія сталинской политики отличается устойчивостью. Еще въ октябрѣ 1917 г. онъ одинъ изъ всей гвардіи Ленина сомнѣвается въ мировой революціи. Величайшая ересь для ленинизма, «соціализмъ въ одной странѣ», составляетъ весь смыслъ сталинизма. По свидѣтель-

ству Троцкого, Сталин заявил однажды в Политбюро, что Коминтерн не сдѣлает революціи «даже через 90 лѣтъ». Вот основанія для новѣйшей «національной» фазы сталинской диктатуры.

Принимая все это во вниманіе, можно считать не абсолютно исключенным, что Сталин способен окончательно ликвидировать марксизм в Россіи, как он ликвидировал уже революціонный марксизм в

партіи и историческій матеріализм в философіи. От Сталина можно ожидать всего, — таково послѣднее впечатлѣніе, которое выносишь из книги Суварина: своей власти он готов пожертвовать всѣм, — да впрочем, может быть, ему не чѣм и жертвовать. Остается Россія, — но Россія сейчас еще болѣе загадочный молчаливик, чѣм сам Сталин.

Г. Ф.

Le Gérant : I. Rossel-Chiot.

Imp. S.N.I.E., 32, rue Ménilmontant, Paris (20e).